

16+

История одного человека

Павел, тяжёлая нога

Павел, тяжёлая нога

История одного человека

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67101540

SelfPub; 2022

Аннотация

Что ты сделаешь, очутившись в грязном, неприятном обществе? Такое оно, общество человеческого бытия... Кем ты станешь?

Содержание

1	4
2	6
3	9
4	12
5	16
6	19
7	22
8. Письмо	25

Павел, тяжёлая нога

История одного человека

1

Вечером, в то время, когда ещё дули суровые морозы в лесном городе, название которого ограничивалось одной буквой "Н", пока все жильцы заканчивали свои привычные дела, Мальчик шёл, всё падая, спотыкаясь об снег, направляясь вглубь лабиринта, состоящем из толстых древесных домов.

Прозвенел стук в дом. Он был настолько неожиданным и громким, что суровый хозяин сначала уронил столовые предметы, снова поднял и уронил их уже при повторном громе, который, точно, будто булыжник, раздавивший с высоты чьи-то кости.

– Ань! Глянь, что там стряслось? -

Девушка в измятом белоснежном фартуке подлетела к двери, открыла.

– Боже! -

На деревянной поверхности в иссиня-чёрной мантии лежал человек. По нему так точно и не сказать, был он молодым мужчиной, подростком или просто юношей. Одно было ясно: к леденящему кровь сезону он не был готов, адаптирован.

– Ну, чего ты там, ризрака встретила? – Старик не оборачивался, лишь продолжал вытирать вилки, тарелки, ножи...

– Здесь, кажется, мальчик... -

Старик был знатно удивлен. В городке редко происходили изменения, редко появлялись новые лица, а старые, казалось, обрели бессмертие. Как и морозы.

– Тащи его в гостиную, на диван. Не оставлять же его при такой холодрыге...

2

– Митька, Митька, вставай, беги к нам!... – С улицы доносились тихие крики отдалявшихся ребят. Такой странный голос... такой, спокойный, такой.... детский?

По обыкновению жители просыпались все в одно время. Не раньше полудня, однако это утро было совершенной неожиданностью.

– Митька, солнце, Митька, снег тает!... – последние отголоски доходили до нашего Героя.

Он встал. Оказалось, дом был не без окон – Должно быть, я просто не заметил их ночью... Или же, может, они были все закрыты досками? Ведь, такая была выюга... -

Герой попытался встать. Некий, будто болт, мешал ему двигать левой ногой. -

Повредил?... А вот и розовый бинт. Должно быть, в лесу.... -

Дребезгом дверь стала открытой. Вошел “хозяин”. – Так, позже я узнал, называли главного в городке. Вернее, так его обозвали. – Сказать, он действительно несколько отличался от остальных жителей. Взгляд его был как будто несколько сожалеющий. Часто он даже не старался улыбаться.

Чувствовал ответственность? Боялся? Что было в его прошлом? Что он знает?

Что на уме? Что не доступно для других жителей?

Брови магией собирали сгустки теней. Незнакомцу может показаться, что они не настоящие. Но не для жителя города, привыкшего к своему хозяину. Руки, да и любая часть тела: была отдельной частью неделимого, целого организма. Ничего в нем не было вызывающего. Язык тела не выражал доминирование, но и не показывал позицию слабую. Это тело было, словно камень, скатить который возможно, но тяжело. Он не был горой, но многие в нем видели именно гору. Наверно, сам себя таковым не считав, падал он в глазах некоторых своих людей.

– Ты не здешних краёв? – Послышался мне замутноватый вопрос. Я сразу же обратил внимание на его голос. Он будто всеми силами отважился донести: помоги мне, брат, пока мне не пришлось помочь *тебе*...

– Да, я, кажется, не знаю, может, я тут забыл что-то?... -

– Имя-то у тебя есть? – Надеждой спросил старик.

– Да, вернее нет. Я просто мальчик... -

Возможно, все или по крайней мере большинство моих ответов прозвучали глупо. Я и сам тогда это понимал. А по тому и не ждал от вожака какой-либо адекватной реакции. Его я, впрочем, будто бы не удивил.

– Иди, помоги Аньке моей. Она У Митьки. Дом, первый слева от нашего, как выйдешь. -

Наверно, попрощаться с ним я не успел. Старик моментально окружил себя туманом задумчивости и небольшой горести. Я, ничего не сказав, зашагал хромой ногой к Мить-

के.

3

Дорога была несколько пустынна. Здешние места мне казались, словно дикими землями. Здесь, безусловно, были правила, законы, но дикость и не в этом заключалась. Словно зловещая и пугающая застойна процвела, как цветут сорняки на свежей грядке.

Как только я открыл дверь, моё сердце словно перестало биться. Мои руки упали ниже земли, я еле стоял. Ноги тянулись вниз, словно неземные силы пугающим образом повлияли на гравитацию земли. Первым делом, ещё даже не обращая на внутренность дома, я облокотился об ручку двери. Сел на первое же попавшееся место. То стало табуреткой.

– Кто там? – простонал чей-то голос.

Точно... Я и забыл. Ведь мне необходимо помочь жене, если это была жена... да, скорее всего именно жена... помочь жене Хозяина. До чего же было моё удивление, когда я очухался от странного припадка ухода сил и увидел нарисованную перед моими глазами картину.

На неком гамаке, который, по странному обычаю, находился прямо на кухне, болотом разлегся мальчик. Как я позже узнал, человеку этому недавно исполнился второй десяток... Возле него впопыхах дребезжала Анька.

Впрочем, скажем сразу, она ему помогала.

– Вот, я тебе тарелки помыла, Митька, смотри, смотри,

родной, хороший ты мой, смотри, я сейчас тут комнату тебе светлее сделаю, что это у тебя, шторы? Не дела. Так ведь ничего толком и не видно! А гамак?! Зачем ты его сюда убрал. Иж ты, решил прям тут спать и есть. Не дела. Ну ничего, милый, я уже тут, сделаем все, сделаем, Митька, сделаем... – Скороговоркой сказала молодая старуха.

Картина действительно была необычна. Значит, это был Митька... Он лежал с закрытыми глазами. Но несмотря на это, я будто бы смотрел ему прямо в душу, глядя сквозь толстую оболочку невероятно круглых глаз. В душе той словно пусто было. Я тогда ещё не понимал: боль ли я глуп, слепым взором я смотрел, или действительно душа у того юноши будто и не существовала вовсе.

– О, малой, ещё один хороший, тебя это Хозяин наш послал? Слава богу, давай сюда, помоги мне помочь взбодрить Митьку-то нашу. Не то хандра одолела, не то ленивен. Давай сюда! -

Помоги мне помочь... эти слова весь оставшийся день возвращались, крутились у меня в голове. Помоги мне ему помочь... помоги. -Отстань, хозяйка, не видишь: делом занят. – Сказал он, перевернувшись на липком гамаке с одного бока на другой.

– Ты чего это тут мне устроил! Бедный... Плохо тебе, Митька, наверно? Точно, точно, не зря мне при жизни мама твоя говорила... – Дальше я не слушал. Мне снова стало несколько плохо. Помимо атмосферы дома этого юноши,

простонала нога. Я понял, что Хозяйка и вовсе не занимается ничем дельным. Себя же она считает, наверно, светом Божьим, неким ангелом-хранителем, кой спасает всякую душу. Но было ли здесь что спасти?... Я чувствовал, что на мальчике был невероятный грех. Но никак не мог понять, какой именно. Одно я понял наверно: не сильно его волновало, светит ли в комнате солнце или не светит.

Таким образом прошёл весь день. Вместе с Анькой мы скидывали Митьку с гамака, заставляли его говорить, танцевали, вернее, танцевала в доме Анька. Я так и не усвоил, чем был занят тот мальчик, и почему ему так хотела угодить Хозяйка. Вечером я, идя по улице, снова погрузился в чувство сильнейшего притяжения к земной коре. А дома меня напоили супом и я уложился спать с окровавленной ногой.

4

Утро я узрел ещё пораньше, чем днём ранее. На улице во-все не осталось снегу. Какие-то ребята ковыряли песок, пока я старался поднять свою железную ногу.

– А Дурь, представляешь, снова решил не идти на вечерёк. Ты представь себе! – Доносился голос с кухни – Не то сговорились они с Митькой нашим, не то не знаю даже, чего и придумать! -

– Успокойся, старуха! Не нравится может ему посиделки деревни... – К этому моменту я уже подошёл. Глаза Хозяина, казалось, несколько прояснились. Но после взгляда на меня тут же несколько, онемели будто.

– Да, да... – Начал он- ...спасибо тебе, спасибо, малой, выручил ты нас -.. О чем это он? Подумал было я... – Ты уж извини, не хочу тебя я трогать, но теперь уж мне бы твою помощь -

– Да, конечно. – ответил я после секундного молчания.

– В Горьке дело все! – Прервала его Анька – Опять, опять он мне назло метлу мою украл... -

– В общем, ты поговори, пожалуйста, с нашим Горькой. Он немного лукавый бывает. Пусть вернёт-то нашу метлу. Я бы и сам... -

– Да, да, конечно – быстро прервал я его.

Снова улица, снова она. Тяжело мне в этот раз было идти.

Нога несколько гноилась. Мне казалось, что дополнительные усилия необходимы, чтобы, легко сказать: мышцы в нужный момент напрягать...

– Так, так – Думал я – Значит, это где-то здесь... дом, номер, шесть? – ... -

Лишь только приоткрыв калитку, страшная тошнота, словно змея, подползла ко мне неожиданно. Дом на первый взгляд простым казался мне. Но что-то здесь было не так... Сама калитка открывалась просто, но неприятным образом скрипела. Трава была невероятно зеленой, но, и это я заметил: засохшая в шести местах. Про окна домика и вовсе промолчу: каждый из шести специально смотрел на посетителя, твердил: Уйди!

Спешить не заходил, боялся я чего по хуже дома. Обошел со всех сторон. И рядом я нашел метлу... Долго я тогда не думал. Рвота мыслила быстрее меня, от того и вздумал я сразу же, без разговоров, толкований, взять метлу да выполнить задание скорее. И сделал это я. Почти...

Один шажок, второй, с метлой уже я у ворот.

– А ну ка стой, подлец! – Кричит мне некто. И сразу та самая змея, уж полно позабавившись мною, отошла. Мне стало чуть легче. Нога на какое-то время потеряла свой утренний вес. Я подумал: быть может, трава мне здесь врет?

Калитка исправна, а окна – обман?

Я подошёл к приятелю нашему. Глаза были его слегка безвинны. Голос прежде показался слабым. Прическа несколько

кудрява и нелепа, в то время как кожа блестела своим бледно-оранжевым цветом. Рост не большой. Черты лица довольно просты. И эта милая улыбка... Улыбка ребенка, кой находится в теле недетском.

– Чего с метлой этой моей пошел? Думал, я слеп, ни вижу с детства я? Или, может, я глупец?– Эта улыбка... Шутит он передо мной? Чего он хочет, и зачем?

– Мне, вроде, сказали, это не твоё... И мне необходимо это вернуть – Я старался говорить максимально спокойно и безэмоционально. Что-то подсказывало мне, что с такими человеком лучше оставаться холодным...

– Ой, да ты что? Правда что ль? Да вы посмотрите на этого нелепого человека! – Голос его становился всё громче. Я начинал потихоньку чувствовать, как я словно становлюсь меньше. Печальны вести: и он при этом уменьшался...

– Берёт, без спроса, *чужую* метлу, да уходит, бессовестный! А если бы мне она была нужна? Вон, ты погляди, тут сколько грязи! – Тем временем людей становилось всё больше. Точно, вспомнил я, ведь мне говорил Хозяин, насколько редко здесь хоть что-то происходит. Должно быть, им интересно ровно так же, как интересно грибнику, наткнувшемуся на целый строй белых грибов, или охотнику, увидевшим только что белого зверя.

– А потом еще и твердит, мол, задание у него!... – С толпы начал я слышать крики – Чего крадешь? – Новенький, а уже поганишь тут все! – Злодей! – Заноза ты в заднице такая! –

... — ... — ... — ...

Людей становилось всё больше. Домов, мне казалось, в деревне не много, не больше пары десятков. Но на сцене громкой собралось уже не менее сотни грозных мужиков, злых баб, отчаянных детей.

И все они, мораль сей басни такова,
Уверен был я тогда,
Милы были еще вчера.

Все кончилось довольно просто... Пришел Хозяин, он треснул по голове Горьке, молча, без чувств, толка, расстановки, он ушёл. И все за ним утихли, затаились, поубавились числом. Ушли.

Остался я тогда один. Теперь, помимо падающих сил, помимо мертвой тишине в ноге, была на мне еще змея: зеленая, ядеющая змея.

Не помню, как именно закончился день. Помню точно вот что я: я был в постели.... метла была у Аньки, то есть Хозяйке, верно. А Горька где был... не знаю, право, не уверен я... Мне горько было на душе в тот вечер.

5

Думаю, не стоит и описывать состояние нашего Героя во второй день его нахождения в необычном городке. Не буду снова описывать я ногу его. Думаю, понятно тут всё. И душа, и мысли его. Хотя, возможно, не каждому ясно.

Поэтому путь его тут мы не окончим...

Странно сказать, в этот день я даже ждал нового задания. Пытался предугадать, кому же на этот раз придется мне помочь.

Пока я этим занимался, не заметил, как уже позавтракал сполна, и как уже мне говорит (вы не поверите сначала):
Хозяин городка:

« Пропал наш Дурь. Извини, право, меня, но раз уж ты у нас, поищешь может ты его?... »

Невольно, по обычаю, согласившись, отправился сначала я к нему домой. Мне говорили, мол там уже искали. Но, решив с чего-то хоть начать, пошел к нему прям в дом.

Улица страшным образом играла извилистой дорожкой. К новому гостю нашему она вела особым образом. Каждый шаг необходимо было продумывать. Я даже не мог это объяснить, но казалось, что любой неверный шаг, и очутюсь я в логове зловещем, в коем править будет чернеющая мгла, и в миг она меня пожрет...

Тем не менее, еле-еле преодолев это испытание, добрался наконец до дома. О, Боги... Что случилось со мной в этом месте... Глаза смотрели исключительно вниз. Стены казались палачами. Потолок был черною дырой. Тарелки смотрели на меня. Убить хотели меня стул со столом.

Мне было жутко страшно, не по себе, хотя, подумать если нам со стороны, предостерегу: обычный дом. Деревянная мебель, расставленная самым обычным образом. Ничего, что выдавало бы душу его хозяина.

Пропустим нелепые искания в доме, пока, наконец, не выдержал другой конец, и не вышел из дальнего шкафа, друг, приятель, обольститель: Дурь.

Конечно, был я удивлен. Он столько там сидел?... А ведь собрался я уже *домой*.

– Иди сюда, кого страшишься? – Прервал молчанье сразу я.

– Да, понимаете... – Чего он вдруг на вы? – Собрание, посиделки в городке-то послезавтра объявили. Там народу, как обычно, соберется. Решил вот тут переждать – Читателю сперва показаться может странным, но уж такой наш юный приятель. Волосы его, конечно, догадались: были темны. Глаза кругли и не пусты. В душе таился не один луч. Правда, тонкий слишком, чтобы прожечь хоть что-то тёмное внутри. Боялся он всего. Доходило до того, что стук иной приводит мальчика в постель. Нельзя же так, но быть нам как? Кой он в деревне не впервые, кой он общался много и с Хозяйкой, и с Горькой...

– Слушай, давай, договориться надо... – не знал, как уговорить мне его -... Давай ты все таки пойдешь. Там, уверен я, народу будет точно меньше. Ведь.... – глаза его немного прояснились – ... ведь снег ушел ваш. Многим, наверняка, его еще не день убирать... вернее, воду... воды много... – еле вымолвил я.

– Ну, да, наверно так... Наверное приду и я... -

Как ни странно, не очень я был рад его согласию. Куда бы ближе был мне его отказ, чем души оторванный осколок. Тем временем замечу я: смотрел весь вечер в пол тогда...

6

Терпенье, братец, близится конец. Пока ты в думе, наконец, улажу я твои томимые всяк муки: познакомлю я тебя, с последним нашим игроком. С последним грешником вечным, с последним ярким человечком.

Встал на удивление бодро. Несмотря на мою вжившуюся железную ногу, пустоту, змею и черноту, шагал я утром быстро. И даже первый я спросил: "Чего сегодня сделать мне?"

Ответ был не велик, хозяин коротко сказал мне: "Пойди, пожалуйста, к Добрынину. Его редко слушает кто... Когда всякий слушатель его покинет, он дома наскоро закроется, да выйти сам не сможет, пока к нему не сходит кто" ...

– Да, конечно! – Радостно прозвучал мой голос. На удивление громко. На удивление весело. Странно. В моей голове будто смешались два голоса. Один мне твердил: не пойдешь ты к нему, второй в ответ орал: Вперёд!

С недоумеванием отворил я золотую дверь и помчался... – Он далеко от центра.. там, где последние дома... – Доносился голос старика. Значит, окраина города...

Дорога казалось мне слишком прямой. Я шел, и мне будто не нужно было знать все повороты. Просто делать шаги, не больше. Оглядываясь назад, я ужасался. Дорога позади меня чернела, появлялись сотни поворотов, различных уличных

углов...

– Так, дом, дом, возле небольшой дыры? Да, где-то тут... Вот и он – Передо мной стоял привычный дом. Казался он даже несколько хуже остальных. Все было несколько неестественным. Какие-то окна были слишком тёмными. Но все изменилось, лишь только я прошел калиточный порог.

Дом сиял. Свет, казалось, был везде. Где-то мелодично играла музыка. На заднем дворе, казалось, бушует хоровод. Повеселев, вошел я в замок разноцветный, светлый.

Упал. Музыка ушла. Стоял прям передо мной... Добрынин? Несколько секунд я пытался прийти в себя. Наверно, так и не получилось бы, если бы не начал он...

– Приветствую, мой друг! Давно не видел я тебя! Ты видел ль пасту зубную мою? Не могу я вот её найти – Пока он это говорил, зрение вернулось ко мне.

Так, рассмотрим... Грива. Этим я начал и закончил обзор необычного человека.

Грива. Эти волосы, казалось, до этого точно принадлежали шикарному льву.

Его спина была пряма, глаза среднего размера. Он говорил без единой запинки, прямо, достаточно громко. Говорил так, будто на самом деле его тело – лишь куртка. А под ней еще и кофта и майка, и все это заставляло его быть элегантно-громоздким, дабы его слышали и заметили.

Не помню, что именно я ответил. Должно быть, что-то вроде – Здравствуй...те...

– Я никак не мог определиться, как к нему обращаться. Смотря на его великолепные карие волосы, я не мог себе позволить даже думать переходить на "ты" в его присутствии.

Мой ответ, конечно, обрадовал его. После моих слов провёл он меня на кухню, где все и началось...

За короткие несколько часов где я только не побывал. Я узнал, что у диких львов целых 5 лап, последняя из которых отличается бледно-красным цветом. Я узнал, что некоторые волки способны доставать тебя из-под земли, словно кроты. Я узнал, что быть самым главным – просто. Что все умники глупы, что в доме этом свято всё.

К концу рассказов чувствовал я себя паршиво. Мне казалось, что всё это время сосал мою кровь голодный вампир. Мои ноги жутко дёргались, глаза постоянно закрывались, и с огромными усилиями, против воли, старался я хоть пару секунд держать их открытыми. Странно, но я даже не удивился тому, что Добрынин не обратил на это внимание. Разок я даже прямо ему сказал: "Могу я пойти?", после чего он налил мне третий стакан кофе и продолжил про волков... Уродство. Гадство. Нemoщность.

Я не знаю, как добрался домой. Возможно, изволил меня проводить Добрынин.

Разумеется, рассказав при этом еще тройку глупых историй. Но я знал точно... Знал, что должен покинуть завтра же деревню. Нет, точно должен, да, должен, не могу, нет больше... Завтра, лишь бы завтра...

– ...Дров взять не забудь! Сегодня рано темнеет....-

– ...Будить?... -

– ...Пусть спит.... захочет... придёт... -

Сон? Нет, вряд ли. Хотя он часто смешивается с реальностью. Всё до первой поры рассвета. Пока не встанешь ты, и не поймешь: Ты был не в лабиринте, а дома у себя, ты не бежал – лежал. Злодеев нынче нет, хотя...

Голова гудела, лишь я малой дозой приложил усилия, лишь чуть-чуть напряг мышцы, чтобы встать. – Капля.. где-то что-то капает? – Еле еле перевернув голову, я увидел под моим лежаком небольшую лужу крови. – Нога... моя нога... как они её так забинтовали?... *Что* под бинтом?... – У меня не было сил дальше думать об этом. Мне нужно что-то сделать. После вчерашнего мысли, казалось, отдалились от меня ровно на такое расстояние, чтобы не дать узнать мне их содержимое, но и не удаляться вовсе. -А, что?... Где?... -

– Малыш! Мальчик мой, как ты там, проснулся уже? – Голос невинной мешательницы прослушался в моей голове – Да здесь я, здесь... – Откуда же доносится голос?... – Сегодня у нас *Деревенский Вечерёк*. Тебя ждём... – Куда? Куда?... – Вставай, Хозяин решил подождать тебя. А я побегу, хороший мой, меня ведь наверняка все ждут! – Кто может тебя ждать, старуха, кто?! – ...

Зная, что скоро увижу я Хозяина, мне стало немного проще. Спустя пару минут мне все же удалось встать. Не буду говорить, в каком виде был я, какого цвета была нога. Я сам тогда интуитивно не обратил на это внимание. Только не сейчас. Потом, всё потом...

Отворил я дверь. На улице было несколько прохладно. Достаточно темно для утра...

– Целый день дрыхнешь. Уж вечер, а ты только встал- Ласковою строгостью он сказал. Хозяин. В его голосе услышал я нитку уважения и признания. Должно быть, он знает причину того...

Мы молча постояли несколько минут. Затем он повернулся ко мне. Я сделал также. Он был выше меня ростом. Однако я каким-то образом чувствовал, что он склоняется передо мной. Будто в душе сейчас он на коленях, смотрит вниз, не дерзя поднять глаза. Я посмотрел ему в глаза. Все те же мучные глаза.

Кажется, после вчерашнего дня ему стало чуть чуть хуже...

Сами того не осознавая, мы вместе начали идти в самую глубь деревни. На улицах никого не было. Только я и Хозяин. Мы не говорили ни слова. Все, казалось, было сказано нашей синхронностью. Нашей равной походкой. Нашим взглядом. Я шёл, и понимал... это мой последний здешний вечер... И он тоже знал это. И уверен я в этом был. Наши мысли тысячи раз обменялись за эти несколько минут ходьбы...

...Пока я не остановился. Остановился и он, но сделав перед этим два дополнительных шага. Мы стояли на расстоянии полтора-два метра друг от друга. Вдруг пошёл снег.

Ничто не отделяло нас. Ничто не соединяло. Хозяин. Тяжело ли ему? Что он знает? Через что прошел? Что известно ему, но неведомо остальным жителям деревни? Я задался теми же вопросами, что прозвучали у меня в голове в мой первый здешний день. Наверно, я начал его понимать... только начал. Он... это все – его жители. Он Хозяин. Цепи... на нем цепи.. я вижу это.

Мы стояли ровно минуту. Казалось, что-то решается в этот миг... Что-то очень важное... Что-то, в чем я принять участие не имею права, но что доносится до моего краев уха. Решение...

Затем время вышло. Хозяин сделал глубокий вдох. И ушел вглубь лабиринта домов... Лабиринта мук, страданий, переживаний... А я так и остался стоять на окраине деревни... Дома всё удалялись и удалялись от меня. А я всё стоял, стоял, стоял..

8. Письмо

Мальчик... Я ведь так и не узнал имени твоего. Пишет тебе Дурь.

Пока тебя не было, у нас случился вечерёк. Я, как и обещал, пришёл, но... Нет сил описывать мне собственное состояние, скажу поэтому, как произошло всё у других. Сам же я на протяжении всего времени просто сидел на стуле возле входа, в самом углу, где была тень.. Кажется, никто меня не заметил...

Началось всё в восемь вечера. Люди начали копиться на улице возле костра. Было не так много ребят. Был, кажется, Хозяин с женой, Добрынин, Горько... Митька, был еще Митька... да, кажется так. Может, еще несколько ребят.

Все начали громко друг с другом разговаривать. Нелепые танцы, скудные фразы... Люди городка двигались так часто, что, как это часто бывает, случилась некая авария...

Хозяйка, споткнувшись, упала в костёр. Визги, крики. Но бессмысленно. Музыка играла так громко, что никто её не услышал.

– Горю, помогите, помогите! – доносились тонкие струны самых высоких аккордов. Писк, не более. Спустя примерно пять минут Добрынин, еще не начав помогать, созвал всех и начал рассказывать, как он спас жену Хозяина, который в это стоял в середине толпы, как некий тотем среди камней.

За спинами камней же горело тело Хозяйки...

– Перепрыгнув через огонь, я сразу же вытянул её!... –

Внезапно костёр позади всех загорелся красным пламенем. О, это пламя обиды! Это горькое пламя! Всполохнув, он выпустил из пасти своей Горьку, который, жадным, гоблинским лицом помчался к Добрынину.

– Врешь, как дышишь, я её спас!-

Люди промеж тем поделились на два легиона, красных и синих. Они начали писать на плакатах ругательские слова. Все они жаждали какого-то неугомонного боя. Всем хотелось позлиться, все хотели каким-то образом высказать свою позицию. Всем было это так важно... Как же так вышло, что Добрынин с Горькой распространились поровну на жителей деревни?

Вот так оно и бывает. Часто люди забывают, что борьба между собой – бессмыслица. Во время борьбы всегда закрываются глаза на что-то действительно важное.

Пока люди уничтожали самих себя, к костру подошёл Хозяин. Увидел свою жену, которую, я и не знаю, любил ли. Он долго смотрел на костёр. Смотрел до тех пор, пока он наконец не стих. После обернулся на бесконечную вражду. Глаза его опустели в конец, мгла поглотила рассудок. Он по-настоящему опустил перед жителями своего города. Встал на колени, но никто и не заметил. Заметил лишь Митька, который всё это время ненавистно смотрел на горящую бабу.

Сегодня я решил навести Хозяина. И я пришёл к нему.

Тёмная дверь, которая совсем не скрипела. Пустая комната.
Исчез весь быт. Я поднял голову. Там висело тело Хозяина.
Возможно, не выдержу и я.

Конец